

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

В_ШАГЕ ОТ
ПРОПАСТИ

АЛИСА РЕМ

16+

Алиса Рем
В шаге от пропасти

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рем А.

В шаге от пропасти / А. Рем — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В один прекрасный день Марго просыпается в незнакомом доме, обнаружив, что она заперта. Но кто это сделал, а главное – зачем? Вступая в переговоры с похитителем, девушка ввязывается в крайне опасную игру, закончить которую способен лишь выживший. Ведь с каждой рассказанной им тайной она на шаг приближается к пропасти.

© Рем А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая. Точка отсчёта	5
Глава вторая. Ближе, чем кажется	15
Глава третья. Выбор	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава первая. Точка отсчёта

«– Ты сам это выбрал, понимаешь?»

– Выбрал что?

– Быть таким, жить так. У тебя всегда был выбор, и ты его сделал. Ты лишь винишь всех вокруг!

– Выбор и правда был сделан, – мужчина с сожалением усмехнулся, проведя рукой по лицу, на котором красовались ссадины и синяки, – вот только... был сделан не мной».

1988 год. Лондон

В номер мотеля спального района Лондона едва проникали солнечные лучи, ведь окно гостиной закрывали плотные синие шторы, наспех задвинутые накануне вечером.

После шумной вечеринки деревянный пол размокал от разлитого вина и пива, повсюду валялись пустые бутылки, некоторые из которых обнимали уснувшие под утро молодые люди. Всё помещение насквозь пропиталось смрадом: протухшими продуктами, раскиданными на маленьком журнальном столике, который едва держался на одной ножке, опираясь на дырявую коробку из-под дисков. В воздухе беспросветно стоял дым, а на магнитофоне громко играла песня знаменитой рок-группы. Спящих это никак не смущало, ведь в состоянии, близком к тому, в котором они находились, трудной задачей было сделать и несколько шагов. Группа, состоящая не то из студентов, не то из бродяг, хорошенько повеселилась прошлой ночью.

Казалось, ничто не может нарушить этот счастливый покой, но, как известно, жизнь не всегда складывается так, как нам хочется. Ржавые петли тонкой белой двери с грохотом отлетели, до омерзенья отвратительно скрипнув. В номер ввалились два амбала, продвигаясь широкими шагами в гостиную. Оба были с недовольными лицами, которые ещё больше скривились, почуяв специфический запах.

– И где она? – недовольно спросил первый.

– Чёрт её знает! По последним сведениям, должна быть здесь.

Один из гостей «вечеринки» с волосами ниже плеч аккуратно привстал, шатаясь и держась за прикроватную тумбочку. Он решительно произнес:

– Господа, а не кажется ли вам, что приходить на утренний чай без приглашения – это совершенно не... – не успел закончить парень, как в этот же момент получил сильный удар по лицу.

Охранник приподнял брови и взглянул на напарника.

– Стив, мы здесь не для очищения мира от грязи. Если мы её не найдем, босс снесёт голову обоим!

С этими словами мужчина распахнул дверь в ванную комнату.

– Кажется, нашел! – с сарказмом произнес другой.

На треснувшем кафеле спала девушка. Её выжженные волосы были грязными от рвоты, как и мужская футболка, закрывающее голое тело. Синяки под глазами делали их визуально больше, дополнительно урезая лицо. Она была молода, что выступало единственной причиной, почему её образ жизни слабо отразился на красоте. Девушка надежно опиралась на плечи спящих подруг, пока одна из её ног покоилась на груди соседа.

– Она вообще жива?

– Да, дождётся! – заметил Стив. – Эта стерва всем мозги вытрясет, а потом встанет и пойдет дальше. Грузи её!

Девушку схватили под руки, её глаза распахнулись. Недолго думая, она громко закричала, упиравшись ногами в дверь, но её проигнорировали. Сцена не вызывала ни у кого вопросов. Всё действие происходило не первый раз и являлось скорее правилом, чем исключением.

– Оставьте меня! Я же сказала, что занята! Я сказала! – словно в бреду повторяла блондинка, колотя кулаками по спине мужчины.

Ещё пара минут, и она сидела в машине, прочно связанная мужским пиджаком. Наученные горьким опытом, охранники прекрасно знали, что особа может попытаться сбежать. Двери машины звучно закрылись, унося знаменитую в определенных кругах Руби.

Сквозь тучи сочился солнечный свет, что было редкостью для лондонской погоды. Именно поэтому на улицах толпились люди, стремясь урвать кусочек долгожданного тепла. С листьев деревьев, мимо которых проносилось авто, капала вода, напоминая о недавно прошедшем ливне. Городская улица быстро сменилась чащей. Лес, видимый через окно, был похож на палитру художника, наполненную всеми существующими оттенками зеленого, серого и коричневого. Сознание девушки превращало всю картинку вокруг в одну сплошную полосу: прыгающую, неоднородную, проносящуюся мимо, словно ураган. Картинка плыла в помутневшем рассудке, а музыка из магнитолы напрочь лишала возможности сосредоточиться на ситуации. Но было ли это необходимо? Вряд ли. Цветной калейдоскоп не мог остановиться. Голова кружилась.

Дорога вильнула и продолжилась на улице небольшого района. Вдоль тротуара стоял трехэтажный кирпичный дом с типичным, мощным британским крыльцом, на пороге которого располагался красный коврик.

Втолкнув в ненавистные двери, девушку тут же провели в гостиную, где в кресле сидел её отец. Мужчина спокойно пил кофе, намеренно не замечая возвращение «ненаглядной» дочери. Он томно вздохнул, поправив очки на переносице, а затем молча перелистнул газетный лист, продолжая глядяваться в кричащие заголовки.

Мистер Линкольн представлял из себя человека за шестьдесят, с рыхлыми, гладко выбритыми щеками. Очки, надвинутые на переносицу, делали его похожим на профессора. Один из главных судей страны, самый уважаемый гражданин, был вынужден терпеть постоянное унижение в глазах других. Безупречную репутацию всего за пару лет сгубила его собственная дочь.

Блондинка вытянула губы трубочкой и уперлась спиной в дверной косяк, ожидая выговора или хотя бы какой-то реакции. Опять это пронизывающее молчание и раздражающие глотки жидкости утреннего кофе. Он так предсказуем в своей манерности. Девушка закатила глаза и отвернулась, желая поскорее подняться наверх, однако низкий голос одернул её со спины:

– Подойди, – прозвучал тон, не терпящий возражений.

Она натянуто улыбнулась и сделала несколько шагов в комнату, где сидел отец. Всё вокруг вызвало чувство отвращения. Эти бежевые стены, насквозь пропитанные снобизмом, навели чувство невероятной тоски и разочарования.

– Ты, должно быть, счастлива позорить меня. В последнее время это стало лучшим из всех твоих талантов, – не отрывая глаз от текста, произнес мужчина.

– Рада, что ты заметил. Я старалась, папочка, – с ужимкой произнесла девушка заплетающимся языком.

Газета мгновенно отлетела в стену, а столик с чашкой заметно пошатнулся.

– Руби! Посмотри на себя! Посмотри, кто ты такая!

– Хм, – она сдула волосы с лица, подняв голову, – ну, я твоя дочь.

– Ты грязная, пьющая наркоманка, только что вышедшая из притона.

– Ну, это я уже слышала, – девушка вышла из комнаты, направившись к холодильнику.

Руби протянула руку к дорогому сервизу из королевского хрусталя, который являлся гордостью семьи и использовался только по праздникам, и вытащила оттуда стакан, а затем плеснула в него виски.

– Что ты делаешь?

– Завтракаю, – она издевательски пожала плечами.

Мужчина рывком выхватил посуду из рук дочери, с грохотом поставив на стол. Он схватил её за подбородок, а затем притянул к своему лицу, взглянув ей в глаза.

– Хватит так со мной... Хватит так с этой семьей! Хватит меня унижать! – он окончательно перешел на крик. – Теперь всё будет иначе, я всё решил.

– М, и что на этот раз? Клиника для душевнобольных или пансион «благородных девиц» при Кембридже?

– Ты уйдешь из этого дома. Навсегда. Ты выйдешь замуж!

Виски полился изо рта на пол. Истерический смех заполнил всё пространство, а сама девица чуть ли не рухнула на пол, выставив руки вперед.

– Мы не в долбаном Средневековье, нужно... моё письменное согласие! А ты его не получишь!

– Уже получил. Ты зря взяла себе подпись покойной матери, её я научился ставить ещё в колледже.

Руби осталась сидеть с открытым ртом, пока её глаза начали медленно слипаться. Действие наркотиков ещё не закончилось, и сейчас это явно не было ей на руку.

Следующие воспоминания были очень отрывочными: Холодный душ, руки прислуги, ткань, вновь вода и запах лавандового мыла, запах которого она ненавидела. Но девушка словно находилась в прострации. Она не могла говорить, а порой казалось, что даже дышать.

Всё смешалось: лица, слова, события. Она тонула в беспросветной тьме, в которой оказалась по собственной воле.

Руби очнулась в кожаном салоне автомобиля. Открыв глаза, оглядела низ своего платья. Рядом сидела её гувернантка, безучастно смотрящая в окно.

– Ненавижу розовый, – прошипела Руби, взявшись за юбку.

Голова слегка кружилась. Её тело всё ещё было слабым, казалось, что истощенным. Руби не помнила, сколько дней назад ела, но сейчас это не так волновало. Первой мыслью, промелькнувшей в её рассудке, стала мечта о стакане холодного виски или мартини. Может, стоит задать вопрос домработнице отца? А что она скажет? Эта женщина делает лишь то, за что ей платят. Так что понимания, а уж тем более жалости от неё ждать вряд ли придется.

Именно от этого Руби бежала всю жизнь: холод и неприятие. С тех пор как несколько лет назад умерла её мать, она не вылезала из клубов и полностью лишилась своей репутации в университете, откуда её быстро исключили. Даже забавно: люди так быстро покупаются на слухи. Дочь уважаемого судьи, носителя аристократической фамилии, но вот несколько нетрезвых появлений и смелых фраз – и тебя ненавидят, осуждают. Старухи в бриллиантах, ещё недавно славившие твои ангельские глаза и благочестивый вид, шепотом называют героиновой шлюхой, но только очень тихо, дабы не запачкать свою культурно выстроенную речь. Хочется кричать, обвинять, бежать – но сил хватает лишь на дыхание.

Чёрный «роллс-ройс» свернул на лесную дорогу, напрямик в огромные ворота. Атмосфера показалась жутковатой, ведь на шпиле здания красовалась скульптура льва с открытой пастью. Тихое нелюдимое место напоминало замок Дракулы из городских легенд. Туман плотным слоем покрывал крышу, а небо – синими тучами. Собирается гроза.

Неужели отец настолько её не любит, что заслал в это жуткое место?

Машина притормозила на вымощенной камнями дорожке, пролегающей между двух клумб с алыми розами, причем давно завядшими. Жизнь в этом месте словно остановилась, а в радиусе мили не было ни души. Пустое пространство ограничивал лес, неприветливо нависая кронами деревьев над местом, где, по-видимому, когда-то присутствовал сад. Сейчас же клумбы представляли собой сборище сорняков, когисто извивающихся вдоль тропы.

Водитель открыл перед ней дверь. Это была дверь в неизвестность, но Руби твердо решила: что бы ни было, страха она не покажет. Пройдет время, и тот, кто захотел на ней жениться, скоро сам откажется от этой идеи. Если её не смогли вытерпеть в родном доме, что было говорить о незнакомых людях, которые её даже не видели?

Пластиковый чемодан выгрузили из багажника, после чего молча уехали – оставили её одну напротив этого зловещего места. Хозяин даже не удосужился встретить её у порога.

Железные двери мерзко проскрипели при открытии. Огромный по размерам зал, украшенный фресками, портретами и деревянными узорами на мебели, образующими массивные композиции, – потребовалось немало времени, пока их жилище было построено и доведено до ума. Сквозняк продувал всё помещение, заставлял ежиться. В центре зала находился огромный камин, заслоняемый роялем. Везде веет холодом и страхом. Каждый шорох эхом отражается от стен и прямиком летит в другие. Жуткое зрелище...

С верхушки лестницы послышались томные шаги. Худошавая фигура, облаченная в чёрную блузу и темно-синюю юбку, медленно спускалась, придерживаясь рукой за филигранно высеченные перила.

– Добро пожаловать в дом, дорогая, – эхом прозвучал женский голос, сопровождаясь улыбкой.

Незнакомку сложно было назвать красивой – прямые брови, словно сливающиеся с густыми чёрными ресницами, тонкий нос с небольшой горбинкой, восковой цвет лица, большой лоб, но что-то в ней настораживало, привлекая и ужасая одновременно... Той самой деталью был взгляд – голубые глаза особой формы смотрели вглубь самой души, контролируя каждое движение. Гипнотический взор из-под маски. Она чем-то походила на прекрасную ведьму, и всё же было в ней и что-то жутковатое, ненормальное, вселяющее беспокойство.

– Мы как раз тебя ждали, – она чуть повернула голову и протянула руку, – моё имя – Амели. Ты, должно быть, Руби?

Гостья скривила рот, не подав руки.

– Вы всё время здесь живёте или привезли меня сюда для антуража? Просто дом выглядит так, как будто ему лет пятьсот, – развела руками блондинка.

– Двести, – пояснила Амели, – когда-то он был одним из богатейших поместий Лондона.

– Дай угадаю, его построил ваш великий предок, – закатила глаза девушка, поставив сумку на пол.

– Нет, он его купил у разорившегося аристократа, – ухмыльнулась Амели. – Наша фамилия – Миллер, не носит особой ценности, в отличие от твоей.

Руби недовольно скрестила руки, подняв голову. На потолке виднелась вмонтированная деревянная скульптура, через которую проходила огромная люстра. Кристаллы тянулись вдоль всего потолка, громоздко свисая над лестницей.

– Нравится? – поинтересовалась Амели.

– Ужасно, я хуже ничего не видела. Выглядит, будто заделанная в крыше дырка.

– Так и есть, – вновь согласилась она, приблизившись к девушке.

Руби почувствовала едкий запах, чем-то напоминающий ладан, что исходил от новой знакомой. Маслянистый и приторный, отчасти сходный с орехом.

Молчание длилось недолго – лестница вновь скрипнула, послышались громкие, быстрые шаги, которые по мере приближения всё больше замедлялись. Хозяин походки едва ли хотел казаться обеспокоенным. В тёмно-синем костюме спустился широкоплечий мужчина, кото-

рый сдавливал улыбку, что выглядело ещё более нелепо. Эта улыбка была столь фальшивой. В новом знакомом Руби разглядела черты отца. Он оглядел свою избранницу, а та, в свою очередь, с презрением изогнула бровь, поджав губы. Нет, он не был мерзок или стар. Он лишь был человеком, который ради своих интересов не прочь выкупить другого человека, что и было сделано.

Неужели пути назад нет и это её новый дом? В горле образовался ком, а в груди что-то ломило. Паршивое чувство реальности происходящего сочеталось с верой, что всё это – её сон, игра большого воображения, которая скоро прекратится.

«Ну, ничего! Бой не окончен, они ещё пожалеют о своем решении», – подумала она.

Девушка взяла со стола портсигар и, вытащив оттуда сигарету, поднесла её к свече, а затем вставила в рот. Блондинка оперлась ягодицами на деревянный столик, скрестив ноги.

– Чёрт, я всегда ведь знала, но... не хотела верить. Теперь точно уверена! – заключила Руби, томно выдохнув пар.

– В чём же? – столь же спокойно спросил мужчина, приблизившись к той, что вела себя крайне дерзко.

Приняв это действие за атаку, девица вскочила со стола и встала вплотную к супругу, высокого задрав голову. Морщинки у его глаз были едва видны из-за тусклого света, однако Руби могла их хорошо рассмотреть, а вздымающаяся грудь свидетельствовала о том, что он явно нервничал, пытаясь дышать глубже.

– Отец меня никогда не любил, – она прошептала эти едкие слова прямо в губы оппонента, выпустив очередную порцию дыма.

Некоторое время спустя

Шло время, кажущееся мучительно-вязким. Всё оказалось не так просто, как Руби подумала при переезде в новый дом.

В нём царил четкий распорядок, отступление от которого каралось... полнейшим молчанием. Амели повторяла, что отсутствие звука благотворно влияет на все, что находится вокруг. С этой женщиной творилось что-то неясное: она постоянно пропадала в определенные часы, озираясь на стены и запираясь в гостевой комнате, находившейся в старом крыле особняка. Её рассуждения казались безумством до момента, пока Руби действительно не начала сомневаться в своей собственной адекватности. Происходило что-то странное. Миллеры не издевались над ней физически, то насилие не было сравнимо с обыкновенной физической болью, то была боль моральная. Она словно попала в закрытую тюрьму: место, где её никто не слышит. Особняк, его двери и старинные потайные выходы стали её единственным развлечением.

Каждый день семья вставала ровно в шесть, и гасили свет в десять минут одиннадцатого. Ни минутой раньше или позже. Окна были столь темными, что девушка научилась отличать время обеда и ужина лишь по часовой стрелке. Гулять ей позволялось до четырех часов вечера, причем место прогулок ограничивалось дворовым садом и чертой мрачного леса. Выходки мало помогали, ведь их терпели недолго. Если девица что-то вытворяла, то Амели забирала ключ от её спальни, чем вынуждала ночевать в огромной гостиной, оставаться ночью в которой казалось чем-то невыносимым. Воображение Руби всё краше вырисовывало образы, преобразая скрип лестницы и другие звуки в нечто большее. Она начинала слышать и видеть то, что когда-то казалось ей выдумкой фантастов. После таких ночевок ощущение колотящегося сердца не покидало ещё долгое время.

Муж был холоден, начиная постелью и заканчивая простым разговором. Единственное, что она отлично о нём знала – это то, что его звали Генри. Любая попытка поговорить заканчивалась молчанием обоих. Да и говорить им было не о чем – они не знали друг друга, не имели ни малейшего понятия о личности, с которой засыпают рядом каждый вечер. Все свои дела он обсуждал лишь с обожаемой сестрой – Амели, а Руби лишь изредка слышала обрывки

их разговоров. Её всего два раза вывозили в город. Первый – чтобы купить одежду, второй – чтобы кому-то представить. Но всё же девушка мало что помнила, ведь в обоих случаях находилась под действием каких-то препаратов. Не возникало сомнений, что их подмешивала всё та же Амели. Она делала это тогда, когда требовалось, и ни разу не была поймана на своих маленьких преступлениях.

Один раз Руби попыталась сбежать, ускользнув в открытую чащу леса, которая располагалась прямым ходом за садом. Девушка надеялась выйти через пролесок к дороге, однако это оказалось не так-то легко. Да и первой попавшейся машиной оказалась машина её собственного мужа. Руби не могла выдержать такого существования: она постоянно пила алкоголь, запасы которого находила везде, где только могла. Притупленное сознание давало хотя бы какое-то успокоение и некое смирение с происходящим.

В один прекрасный день стало известно, что юная миссис Миллер беременна. В особняк пригласили врача, приход которого несказанно обрадовал Руби. Она впервые видела кого-то другого. Однако слезные мольбы помочь ей не дали результата. Получив немаленькую сумму, врач спокойно ушел. С этого момента и начался настоящий кошмар. Амели не сводила с девушки глаз, присматривая за той, словно за домашней курицей, которая вот-вот должна была снести золотое яйцо. Она контролировала всё: от еды до часов прогулок в день. Руби вынуждали есть здоровую пищу в больших количествах, которую она с радостью променяла бы на тарелку жареного бекона, который когда-то так любила покупать.

Алкоголя в её крови больше не было – за этим строго следили, а потому мысли о ребёнке всюду преследовали несчастную. То, что внутри неё растет что-то инородное, приводило в ужас. Это нечто словно пожирало её, всё больше забирая идентичность восприятия мира вокруг. Она ненавидела этого ребёнка и несколько раз пыталась устроить выкидыш, якобы случайно поскользнувшись на лестничном пролете, – всё зря.

На свет появился голубоглазый мальчик, чем-то похожий на отца, однако имевший и черты лица матери. Вопреки ожиданиям, материнское чувство не пришло. Его просто не было, за что девушка поначалу себя корила, а позже – просто смирилась. Строить из себя хорошую мать Руби не стала. Она лишь прилично выглядела, ведь того требовал муж, по случаю чего у неё даже появилось право выезжать в город, дабы обновлять гардероб и прически. Парадоксально, но именно в этом она видела плюс в рождении Джона – в возможности наконец-таки относительно выходить за рамки своего «заклечения». При любом удобном случае она покупала алкоголь и, закрывшись в комнате, лечила своё горе.

Лондон. Поместье Миллеров

1996 год

Мальчик вошел в гостиную, где всё казалось таким большим. Джон воображал себя в другом мире, когда раскладывал старинные броши в шкапулках или находил какие-то необычные детали. Генри редко позволял зайти в свой кабинет, а потому, когда такое случалось, малыш с удовольствием садился за стол и, подражая отцу, водил рукой над бумагами.

Мама всегда представлялась ему грустной. Джон не мог понять причины её грусти, однако подсознательно ощущал свою причастность к её чувствам. Всякий раз, когда он обнимал маму, то она либо медленно отстранялась, либо же сухо отвечала на объятия. Однако они не были полны любви и нежности, какими обычно бывают объятия матери – они были холодны и формальны, словно осуществлялись для галочки. Она не показывала открытой ненависти, не давая притом и любви. Мальчик не мог понять: чувствуют ли к нему что-то вообще и должны ли?

– Мама, посмотри, – Джон подошел к дивану с красной бархатной обивкой, на котором лежала его мать, закинув ноги на подушку. Её взгляд был уставшим и крайне сосредоточенным на бокале вина, который она держала синеватыми пальцами, выглядывающими из-под широ-

ких рукавов свитера. Мальчик протянул матери камешек, чем-то похожий на кусочек мрамора. Когда он нашел его в саду, то посчитал драгоценным, ведь тот красиво переливался в лучах солнца.

– Это тебе.

Прищурившись, Руби взяла подарок и, покрутив его в руках, спросила:

– Это что ещё? – хрипловато произнесла она, прокашлявшись.

– Драгоценный камень. Такой, как у тёти Амели, в кулоне на шее. Ты грустишь, потому что у тебя такого нет, но я нашел. Вот он, смотри! Теперь у тебя тоже такой есть, ты будешь красивой – будешь как тётя.

Последние слова сына что-то всколыхнули в ней. Имя Амели олицетворяло весь тот ужас, что происходил с ней все эти годы. Эта ведьма господствовала в доме, не давала никому спокойно дышать. Она влилась в каждого, заняла последнее в доме одинокое место.

– Это обычный камень, – ответила Руби и неряшливо откинула камешек в сторону.

Мальчик нахмурился, усердно стараясь не заплакать, однако слёзы обиды подступили к глазам. Его снова отвергли. Отвергла самая важная женщина, любви которой он никак не

– Ты что, ноешь? – она свела брови, сделав глоток вина. – Это жизнь, дорогой! Не всё происходит так, как мы хотим.

Джон быстро побежал в свою комнату – ему хотелось закрыться от всего мира, защититься от этого всепоглощающего равнодушия. Несколько раз споткнувшись на деревянной лестнице, мальчик добрался до своего уголка. Он быстро залез под одеяло, закрыв руками голову.

Вечером того же дня Руби принимала ванную – единственное, что её успокаивало, помимо алкоголя и любовников, с которыми она успевала встречаться, пока приезжала в город. Стоит закрыть глаза и вытянуть голову навстречу теплому пару, и представить себя можно где угодно. Где угодно, но только не здесь.

С мокрых волос капала вода, попадая на махровый половичок. Умиротворение и покой. Старая дверь тихо скрипнула, мелкая дрожь пробежала по коже, и девушка оглянулась – никого. Ложное беспокойство, навязчивые страхи, которые давно стоит прогнать. Руби выдохнула, вновь облокотив голову на край ванной, пока чья-то рука не схватила её за копну белых волос, с силой дернув вниз.

– Я всегда знала, что тебя стоит убить, – даже через плеск воды этот тембр голоса был отлично узнаваем.

Амели...

Руби изловчилась и укусила убийцу за руку, на секунду обездвигив её. Не теряя времени, девушка выпрыгнула из ванны, однако не успела сделать и шага – Амели вновь схватила её за волосы и, перегнув корпусом через борт, опустила головой в воду.

– Ты с самого своего появления замарала наш дом своей грязью! Но я очищу нас от неё, я сделаю это, будь уверена! Я отмую... всю твою грязь! – словно в бреду повторяла Миллер.

Брызги, метания, сдавленный стон. Воздуха почти не осталось, и Руби открыла рот и закричала прямо в воде. Это был крик отчаяния, столь сильного и горького.

Камден. Лондон

Наши дни

Тихий район в осеннюю погоду был одним из самых уютных мест города – его окружал раскидистый парк с длинными аллеями и высокими деревьями. Спокойствие и умиротворение мешалось с оживленным движением, постоянной спешкой прохожих. Складывалось впечатление, что в Лондоне все торопятся жить. И в какой части этого прекрасного города вы бы ни оказались – вы всегда найдёте заполненные до отказа кафе, где кто-то обязательно ссорится, кричит, в то время как за соседним столом кто-то спокойно допивает свой кофе.

Из этих мест всегда доносился знакомый каждому аромат, который было невозможно спутать ни с чем. Латте украшался взбитым сливочным муссом, пока помощница официантки осторожно снимала с плиты карамельный сироп.

– Марго, только не разлей, хорошо? – недоверчиво протянула девушка на раздаче.

– Постараюсь, – улыбнулась в ответ светловолосая официантка.

Она была одета в традиционную форму кофейни: бежевая водолазка и коричневые брюки с завышенной талией, которые элегантно завязывались на поясе. Марго всегда нравилось испытывать себя, а потому она твердо решила, что за каникулы должна попробовать устроиться на свою первую работу. И пусть она не так престижна, это всё равно опыт и какой-то заработок. Задач в её голове было ровно столько же, сколь и надежд. Она не должна подвести родителей, которые после долгих уговоров отпустили дочь в Лондон на два с лишним месяца. Это её шанс. Шанс доказать, что она взрослый, самостоятельный и рассудительный человек, способный принимать правильные решения. Однако с последним пунктом всё ещё были некоторые трудности. Марго должна была стать моделью. Нет, то не было её желанием изначально, однако все вокруг твердили о неземной красоте британки: высокий рост, правильные черты лица, выразительные густые брови, обрамляющие в меру широкий лоб. В её глазах отражалась сама жизнь – взгляд всегда выражал заинтересованность и был полон энергией. И всё же её сложно назвать женственной: худые плечи, маленькая грудь, слегка небрежная походка, лишенная степенности и грации. В повседневной жизни она нередко выбирала толстовки и джинсы. Да и зачем иметь другие вещи в гардеробе при таком образе жизни?

Первая работа оказалась не такой легкой. Клиентов было много, и иногда в силу своей неопытности Марго не справлялась так хорошо, как остальные. Порой зал был переполнен, а она лишь нервно металась из стороны в сторону, не успевая принимать заказы, хоть и работала там не одна. Но куда больше всего, что было в этом сомнительном заведении, её раздражал босс. Кажется, мистер Харис находил истинное удовольствие в том, чтобы прилюдно отчитывать работников. Ни один день не обходился без выговора и сцен, нередко заканчивающихся драматической развязкой. Каждое утро он вывешивал бланк, в котором указывал имена лучшего и худшего работников. Но больше всего на свете он обожал совещания с персоналом. Издеваться над теми, кто ниже тебя по статусу и не сможет возразить, – что может быть проще? Чаще остальных под его удар попадали молодые девушки, и многие даже поговаривали о домогательствах, однако такие разговоры быстро пресекались увольнением.

Всё складывалось привычным образом. Очередной заказ. Звонок на стойке.

Кофе многое может сказать о клиенте – чем старше клиент, тем более крепкий кофе он выбирает, с меньшим количеством добавок. На кухне все в шутку называли суровым реалистом того, кто заказывал черный американо. Более молодые люди чаще отдавали предпочтение сладким напиткам, с большим количеством молока и сиропом с различными экзотическими вкусами. Истинными ценителями считались те, кто выбирал классику: будь то фирменный латте или макиато.

Марго по привычке подошла к столику, держа в руках блокнот и ручку. В кресле сидел мужчина, направив свой взгляд куда-то в стену. Он показался ей довольно привлекательным. В глаза бросился высокий рост и аристократические черты худого лица. Пальто, которого он даже не снял, придавало образу книжной загадочности. Молчание затянулось, и, проглотив легкий ком в горле, официантка обратилась к нему:

– Вы хотели сделать заказ? – произнесла дежурную фразу она, слегка повернув голову.

Словно опомнившись, незнакомец сосредоточил взгляд на говорящей, слегка улыбнувшись. В его глазах было столько доброты и неподдельной искренности, но при этом столько грусти. Есть тип людей, с которыми ты можешь пойти куда угодно. Те, которым безоговорочно веришь. Глубокий, пронизывающий взгляд. За своё недолгое время работы Марго часто встречала посетителей с «пустыми» глазами, в которых ничего не цепляло. Это был иной случай.

– Да, эспрессо, пожалуйста, – голос был похож на тот, что читает Шекспира в вечерних передачах, – глубокий и поэтичный.

– Отлично, ваш заказ будет готов через пять минут, – кивнула Марго, развернувшись спиной к мужчине.

Почему он находится здесь сегодня? Что он делал до этой секунды, как пришел именно в это место? Её впервые так заинтересовал посторонний человек. Не успели мысли прийти в порядок, как она уперлась в чью-то фигуру. Душащий запах навязчивого одеколona врезался в нос, вызывая легкий приступ удушья. Марго закашлялась, подняв голову вверх, – ну конечно, Харис.

– Что, не ждали? – мужчина презрительно скривил рот, оттолкнул девушку своим огромным животом и прошел вглубь зала. – Почему Люси не на смене? В зале две официантки. У нас что, забегаловка?

– Мы справляемся, мистер Харис.

– Я вижу. Иди сюда, – он поманил Марго указательным пальцем, облакачиваясь на барную стойку. – Что ты видишь? – он ткнул толстым пальцем в бумагу.

– Статистику по выручке, – тихо ответила она.

– Да, верно. Почему она стала меньше, чем была ещё неделю назад, не знаешь?

Русоволосая отрицательно покачала головой.

– Да потому что вы, курицы, только кудахчете, вместо того чтобы работать! Я что же, взял тебя на работу для болтовни?

Все посетители удивленно переглянулись, пораженные такой откровенной грубостью. Босс снизил голос и отошел в сторону, ухватив официантку за руку.

– Я работаю, мистер Харис, как и все мы здесь, – зло прошептала Марго.

– Да неужели? – оскалился босс. – А может, расскажешь тогда, почему я не получаю больше денег? Почему же я получил их меньше? А?

– Я же сказала, что...

Он больно дернул её за руку.

– Послушай, милочка, мы это уже обсуждали: ты либо работаешь, либо катишься отсюда. Вижу, что официантка из тебя так себе, так может, покажешь нам свои другие таланты, м? – он зло ухмыльнулся, посмотрев в глаза работницы. Отвращение, смешанное с яростью, отразилось на молодом лице.

– Да пошел ты! – недолго думая, девушка плюнула в лицо боссу, чем изумила всех в зале.

Марго бросила на пол блокнот с ручкой, большими шагами направившись на кухню, через которую пролегал путь в расчетный зал. Ей платить за аренду на этой неделе, а она только что потеряла работу. Если родители узнают, то о жизни в Лондоне в будущем стоит забыть.

Проходя мимо тесного кабинета начальника, Марго на секунду застыла, а после решительно вошла. На дубовом столе лежал бумажник, то был бумажник Хариса – это стало понятно по безвкусной кожаной обивке желтого цвета и прикрепленной карточке водительского удостоверения. Воровство – отвратительная вещь, и Марго отлично знала эту истину. Но, несмотря на это, в её голове что-то щелкнуло. Ей показалось, что это единственный из возможных выходов, хоть и не столь правильный. Да и если разобраться, то такого гада, как он, давно пора было наказать. Марго быстро выдернула несколько крупных купюр из кошелька, спешно захлопнув его после.

– Вот тебе таланты, урод! – злобно прошипела себе под нос она, унося ноги прочь.

Однако девушка не знала, что через подсобную дверь за ней наблюдал тот самый мужчина, так и не дождавшийся своего заказа. Его взгляд был полон интереса и выражал уже совершенно другие эмоции. Он молча отряхнул серое пальто от капель дождя и направился к автомобилю, словно не увидел ничего странного. Внутри у него закралась душащая сознание

мысль, которую тот усердно отгонял, голос в голове, который он так часто слышал, отчетливо шептал:

«— Принося в жертву, ты искупаешь грех, но и приобретаешь новый. Такова жизнь, мой маленький Джон, таков этот мир. Только так ты можешь очиститься, только так ты сможешь искупить...»

Глава вторая. Ближе, чем кажется

«— Кто ты такой? Скажи мне.

— Я не могу...»

Марго выбежала из запасного выхода, накинув капюшон толстовки. То, что она вообще успела переодеться – можно считать удачей. Девушка села в красный автобус и, проведя карточкой по терминалу, заняла самое дальнее место от дверей. И что теперь? Куда идти дальше и что делать? На сиденье рядом опустился мальчик. Он с аппетитом уплетал булочку с корицей, периодически вытирая рот от кунжутных семечек. Точно! Еда. День был долгим, и девушка совсем забыла о том, что не продумала свой ужин. Это значило, что выходить ей стоит на несколько остановок раньше обычной, дабы зайти в супермаркет.

На улице лил дождь. Зайдя в зал, Уокер сняла мокрый капюшон и чуть отряхнула волосы, спутавшиеся от влажности. Внутри всё пропитал запах хлорки, которой только что ополоснули пол. Белые софиты освещали аппетитные овощи, красиво разложенные на прилавках. Выбор на любой вкус и кошелек. Первым, где остановилась Марго, стал стенд с орехами. Стоило ей сделать пару шагов в другую сторону, как мужчина в конце зала также сменил своё направление. Довольно странно, что девушка, обладая чутким вниманием, не замечала его с самой остановки. Таинственный спутник следовал за её спиной, точно тень. Он не был из тех, которые легко сливаются с толпой. Напротив – молодой человек привлекал внимание, но только не её.

Он то очень близко, то вновь далеко. Среди толпы никто не обращал внимания. Британец размеренно оглядывается, продолжая свой путь за новой знакомой. Он внимательно наблюдает за каждым движением Марго, рассматривает все продукты, которые она складывает в железную корзинку. Она держит её своими бледными, тонкими руками. Её движения нервные, отрывистые. Блондинка то и дело поправляет пряди волос, падающие на лицо. По одежде можно смело заключить о материальном положении и привычном образе жизни – за годы практики Джон научился отлично читать людей. Каждая деталь выдает ту или иную особенность, способную рассказать о человеке больше, чем полное досье с документами.

Немного понаблюдав за ней, Джонатан заключил: она не воровка, а лишь та, что пренебрегла законом и любой моралью в этот раз. Видно – это несвойственное ей поведение, непривычный образ действий. Она переступила через черту в собственной голове, пойдя на этот шаг. Вся эта нервозность, синеющие пальцы, смущение и осторожность, поджатые от невидимого напряжения губы – официантка не была профессиональной воровкой со стажем. Она чувствовала себя подавленно.

Ему ли этого не знать? Удивительный момент. Момент, полный таинства и единения с собственной душой. Момент, когда ты переступаешь через собственные границы. Как правило, у людей это вызывает стресс, волнение, дикую тревогу. Кто-то умело скрывает это, а кто-то показывает истинные эмоции, чем часто выдает свой поступок.

Вопрос, томившийся в его голове не один десяток лет, не давал покоя даже сейчас: сколько времени нужно, чтобы с уверенностью заключить, что человек заслуживает наказания? Это годы или лишь миг? Чего достаточно, чтобы сказать, что приговор вынесен? И кто же судья?

На секунду Джонатан подумал о том, что он с легкостью может дотянуться до неё. Он за спиной, слышит её дыхание. Интуитивное желание протянуть руку и дотронуться на секунду прошибло его тело насквозь. А что если он сделает это прямо сейчас? Вены на тыльной стороне ладони выступили куда более отчетливо. Он был близок к разоблачению как никогда, но не

мог пошевелиться, сделать и шага назад. Девичья фигура дернулась. Миллер замер в немом ожидании, а после с облегчением выдохнул. Блондинка направилась к кассе.

Она расплатилась несколькими фунтами.

– Использует наличные – значит, на карте сумма от родителей, поступления с работы, возможно, иные начисления, и их обычно не трогает, – заключил Джон, подойдя к стеклянным дверям, которые автоматически распахнулись на улицу. Оттуда самым лучшим образом открывался обзор на кассы. Картина становилась яснее. Он видел в ней проекции других образов. Накладывал чужие роли, стараясь понять: та ли она, кем кажется?

В один момент Миллер оглянулся – он упустил девушку из вида. Джонатан скоро осмотрелся, пытаясь найти знакомое лицо, но тщетно. Мужчина мгновенно замер, когда Марго, прошла перед его носом, вставив в уши наушники. Он видел, как кожа её пальцев слегка покраснела от холода, а короткие ногти посинели. Вблизи она выглядела такой хрупкой, точно фарфоровая кукла. Неуловимой, подобной призрачному сиянию из сна, но притом подчеркнуто живой, реальной.

В ней не было того приговора, который так ясно виднелся в остальных девушках. Она так жива, так хочет жить! Маргарет поправила волосы и накинула капюшон, не обратив никакого внимания на преследователя.

Узнать место жительства жертвы не составило труда – Джон всё дорогу следовал за ней, блуждая по вечерним переулкам. Район, не отличавшийся богатым убранством, представлял из себя узкую улочку с небольшим сквером посередине и кирпичными домами. Тихое и спокойное место. Эта пустота не была враждебна. Забавно, ведь даже это казалось Джонатану, выросшему в одиноком старинном особняке на отшибе леса, чем-то спасительным.

Марго вошла внутрь крыльца, отворив дверь из железной сетки. Внутри промелькнуло теплое освещение и кусочек лестницы. Типичный европейский домик из пяти этажей. Никаких лифтов и признаков изменений с двадцатого века.

На третьем этаже зажегся свет. Не обращая внимания на отсутствие штор, девица стянула футболку и, оставшись в нижнем белье, подошла к холодильнику. Джон чуть скривил уголки губ, сумев разглядеть в её юных руках какую-то яркую упаковку, похожую пачку с печеньем, – как мило. В этом чувствовалась её независимость и легкость по отношению к жизни. Никаких строгих правил, полноценного ужина в определенное время. Сейчас она скорее всего включит телевизор, сядет напротив с пачкой ароматных сладостей и будет смотреть его, шурша пластиком и просыпая крошки на ковер. В таком подходе было свое очарование. Деталь, которую многие пропустили бы мимо, Джонатан с обожанием разглядывал и раскручивал в голове как самостоятельный сюжет.

Черный автомобиль скрывался в переливах заката. Джон исподлобья взглянул в зеркало заднего вида и слегка протер глаза.

Его глаза на солнце выглядели ещё более голубыми, напоминая отцовские. Многие находили в них доброту, справедливость и даже привлекательность, но чего это стоит, если все, что он из себя представлял, – лишь умелая иллюзия.

Кто ты? Что ты значишь?

«Смотри, ведь ты – это она. Другие не смогут полюбить тебя так, как это делаю я. Истинная любовь опасна – она обжигает, она калечит изнутри. Сильные чувства толкают на безумные поступки. Смотри же, дорогой, ты – это она...» – как сгустившиеся тучи, всплыли слова, отдавая чем-то горьким на языке. Возможно ли изгнать этот голос или он уже стал его частью?

Время от времени ему приходится возвращаться в прошлое, в эти давящие, саднящие тленом и мраком стены.

Но как ему всегда заявляли – это единственная истина, что у него есть.

Машина привычно поворачивает в открывающиеся автоматические ворота, которые по его настоянию всё же были отремонтированы. Большая часть особняка заколочена, во всей второй половине, как и всегда, горит свет. Стоит признать, за последние двадцать лет особняк Миллеров стал выглядеть лучше. Внешне...

Однако его сущность всё ещё пропитана этой мистической тайной, а стены наполнены навсегда замолчанными историями.

Едва уловимый звон, зазывающий за собой. Этот звук Миллер мог бы отличить от тысячи похожих. Годы идут, но традиции не меняются. В холле вновь слышится прекрасный звук фортепиано. Мелодия, выходящая из-под тонких пальцев, наполняет всё пространство меланхолическим настроением. Игра прервалась мощным аккордом из перекрещенных рук, именуемым трезвучием. Фигура обернулась, открывая обзор на улыбающееся лицо.

Она выглядела так всегда: от первой их встречи и до нынешнего момента. Темные волосы аккуратно зачесаны назад, а уголки губ аристократически приподняты. Она молчит и улыбается, смотря в глаза мужчины. Когда она это делает, тело охватывает дрожь, и он, словно маленький мальчик, завороченно наблюдает за каждым движением родственницы.

Она вновь повернулась и продолжила свою игру.

– Тебя долго не было, Джонатан, – приподняв тонкую бровь, проронила Амели, не отрываясь от инструмента.

В детстве, когда тетушка сердилась, то всегда называла его полное имя.

– Я знал, что ты ждёшь меня, – ответил он.

Тон англичанина был уверен и добр. Обычно таким голосом говорят с возлюбленной после долгой разлуки или же с задушевым другом. Другом, который несмотря ни на что будет ждать тебя. Снова и снова... Он прекрасно знал, что Амели именно такой друг. Она единственная, кто, казалось, понимал его.

– Я узнаю это лицо; что-то случилось, но ты тянешь время, – пояснила женщина.

– Это так, – Джон действительно тянул. Он не хотел произносить этого. Новое имя – новая жертва. С каждым разом становилось всё тяжелее от подступающего комка в горле, отдаленно напоминающего чувство неизбежности.

– Я нашел её, – тихо произнес мужчина в надежде, что тётушка не услышит.

Однако Амели тут же убрала свои руки с клавиш, сосредоточив взгляд на племяннике. В её глазах виднелась заинтересованность, тщательно скрываемая радость и одобрение. Женщина встала из-за инструмента, слегка запахнув вязанный кардиган, отправилась в столовую.

Это была одна из комнат, на ремонт которой ему всё же удалось уговорить дорогую тётушку. Старые стены прикрывали сероватые обои, а современная плита с прозрачной панелью удивительно вписывалась в старинный интерьер.

Легкая рука аккуратно коснулась кнопки на серебряном чайнике, а затем открыла шкафчик с различными травами. Там же стояла коробочка с различными видами черного чая. Амели никогда не спрашивала, хотел ли бы Джон чая или же чего-то иного – она молча наливала черный чай с апельсиновыми корками каждый его визит и даже не обращала внимания, если племянник не прикоснулся к чашке за всю беседу. Так было и на этот раз.

– Тебе нужен совет, иначе бы ты не пришел. Хочешь разделить со мною своё решение, разделить... ответственность? – таким же размеренным тоном продолжала брюнетка.

– Ты хочешь меня задеть?

Женщина повернулась, а её брови слегка нахмурились, обрамляя лицо чертами беспокойства.

– Всего лишь понять, – пояснила она.

– Я не в восторге, что каждый раз мне приходится делать это. Я долго думал в последнее время: быть может, стоит остановиться? Быть может, мою душу ещё можно спасти, несмотря на всё, что я сделал?

– Только так ты можешь спасти её. И ты знаешь это лучше меня, дорогой, – последнее слово она произнесла с некоторым акцентом.

– Но это так мучительно! Всё более мучительно... Я уничтожаю...

– Никто не говорил, что будет легко, – Амели подошла сбоку, накрыв ладонью плечо мужчины и слегка впившись в него ногтями. – Ты всё ещё можешь спасти душу... стать хорошим человеком, помнишь? – склонившись, прошептала она.

В этот момент чайник закипел, и женщина поспешила налить воду в мраморный заварник. Джон обхватил голову руками.

– Ты бы не выбрал её, если бы на то не было причин, не так ли? Если бы в ней не было порока. Ты честный человек, Джонатан. Ты всегда делаешь правильный выбор.

– Я не уверен, что она так уж порочна, как ты думаешь – она... совсем дитя.

– Есть те, кто с малых лет посылается на землю в виде наказания, – она хладнокровно поднесла к губам обжигающий напиток и сделала глоток, даже не поморщившись.

– Она лишь украла деньги у своего начальника. Он накричал на неё, оскорбил, – продолжал рассуждать вслух Джонатан.

– Она взяла богатство ближнего. Она грешна, – вскинула брови Амели.

– Возможно, впервые...

– Разве это имеет значения? Все совершают что-то в первый раз, а дальше совершают зло раз за разом, снова и снова.

– А разве я не делаю то же самое?

– Конечно, нет, дорогой. Ты очищаешь и только, и очищаешься сам... Решайся, Джон – светлое будущее или нескончаемое настоящее, – она встала и, убрав чашку со стола, слегка коснулась рукой его плеча и спины.

От её рук исходило что-то особенное, что-то, чего были лишены прикосновения других женщин. Трепетное, холодное, но меж тем очень душевное и близкое. Амели знала это, а потому использовала как действенный прием.

Некоторое время спустя

Марго уже пару суток не выходила из дома, что значительно сказывалось на её душевном состоянии. Но жизнь продолжается, и нужно было решать накопившиеся вопросы. Хотя бы тот же вопрос с работой.

Не успев толком открыть глаза, девушка набрала в интернете запрос о работе. Сейчас ей подойдет всё, что сможет покрыть аренду и ближайшие расходы. Руки потряхивало, но она не теряла надежды. Если не можешь ничего сделать – делай хоть что-нибудь.

Вселенная ей благоволила: один бренд как раз отбирал девушек для съемок в каталог, и не воспользоваться таким шансом было бы глупо.

Марго вышла из многоквартирного дома в черных джинсах и белой футболке, вид на которую приоткрывался из-под спортивной куртки. Отсутствие макияжа ничуть не делало её лицо хуже – лишь выделяло природные черты, соболиные брови.

Джонатан следил за каждым её шагом. Прелестна и юна – так он описал бы её походку и вид в целом. Нужно признаться, что мужчина слегка задумался и не сразу понял, что произошло.

Девушка резко остановилась, но дело было не в том, что она обнаружила слезку, как это могло показаться на первый взгляд. Мужчина на её пути напоминал пивную бочку. Нервно шмыгнув носом, она ускорила свой шаг. Она встретила своего бывшего босса, который явно не рад был её видеть, но искал этой встречи.

– Я не понимаю! – слышались обрывки разговора.

– Ты дала чертово интервью этой журналистке? Ты? Откуда ещё могли расползтись эти слухи про домогательства?! – он громко кричал на девушку, которая стояла как вкопанная в землю.

Она не давала интервью, и уж точно по поводу Хариса. Однако никакие аргументы не помогали – хозяин кофейни был в бешенстве.

– Я не давала никаких интервью!

– Кому ты врешь, чертова... потаскуха?! – грубиян долго не мог подобрать нужного ругательства, а потому изо рта вырвалось первое, что пришло в его дурную голову.

Лысый мужчина схватил её за плечи, с силой толкнув назад.

Вмешательство в ситуацию было необходимо, и Джонатан сделал это. Он возник за спиной Хариса и ловко оттащил нападавшего, смачно ударив того по лицу.

– Какого?.. – глаза Хариса заметно округлились, и тот даже забыл вытереть нос, из которого сочилась кровь. – мистер Миллер?..

Марго удивленно изогнула бровь. Они знакомы?

– Если ещё раз подойдешь к ней, – Джонатан выставил палец вперед, – пойдешь ко дну со своей забегаловкой, ты меня понял?

– Так вышло, что... – не успел закончить он.

– ...что ты идиот, – огласил Миллер и отвернулся от него, не желая слушать далее.

Голубые глаза вновь устремились на Марго. Взгляд, который не спутать с другим. Возможно, эта ситуация сыграла ему на руку, чтобы быстрее заложить основы доверительных отношений.

– Вы в порядке? – вполголоса произнес Джон, осторожно придерживая за плечи новую знакомую. Мужчина чуть наклонился, осмотрев лицо.

Испуг, возмущение, легкий шок. Как часто он видел подобные взгляды, так часто, что это перестало быть для него чем-то странным.

– Да, спасибо, – выдохнула Марго, сохраняя зрительный контакт, – это же вы! – немного погодя огласила она.

Джонатан слегка нахмурился. Что она знает?

– Клиент из кофейни, – пояснила Марго.

Морщинка на лбу мужчины тут же разгладилась, а лицо застыло в доброй усмешке. Когда он улыбался, то выглядел столь искренне и прекрасно. Всё в его жестах и мимике вызывало абсолютное доверие.

– Я так и не принесла ваше эспрессо, прошу прощения, – отразив улыбку, покачала головой девица.

– Ничего страшного, это довольно легко поправимо, – ответил Джон.

Глава третья. Выбор

«– Я могу тебе доверять?»

– Иногда я сам задаюсь этим вопросом...»

Они прогуливались по осеннему скверу, который едва припорошило снегом. Листья ещё сохраняли свою красочность, однако холод предвещал скорый конец очаровательной пестроты. Оттого ещё больше выделялись прожилки на листьях, отдавая вблизи багровым тоном. Природа готовилась к зиме, стремясь последний раз блеснуть своим великолепием. Завораживающее зрелище.

Марго ступала по хрустящим листьям, всё больше увлекаясь своим новым знакомым. Казалось, он знал о многом в этом мире и очень последовательно выдавал информацию в разговоре, старался не перегружать собеседника. Но порой в этих наивно-добрых глазах проскальзывал след печали. Но и сказать, что от него веяло пессимизмом, никак нельзя – мужчина много шутил и был заинтересован в разговоре.

– ...Однажды я бежала через улицу, которая разделялась дорогой. Мой дом стоял на одной стороне, а на другой жила моя подруга. У меня был мешок с конфетами в руках, и я очень торопилась. Серьёзно, меня чуть не сбили, – со смехом пояснила Марго, – водитель грузовика остановился и открыл окно. Я думала, он будет кричать, но он сказал: «Хэй, ты, кажется, уронила свой мешок!» Это было так странно! – Марго громко рассмеялась. Джон легонько усмехнулся в ответ.

С каждой минутой ему становилось всё тяжелее. Улыбка мужчины уже не выглядела столь естественно и органично.

Она так любит жизнь... Она так жива...

– А что насчет тебя? – улыбка Джонатана слегка спала, а брови вопросительно приподнялись. Скрывать истинные эмоции всё трудней. Этот вопрос не был для него необычным.

Как правило, каждая девушка хотела познакомиться поближе, узнать о человеке больше, чем он рассказал. В таких ситуациях в ход шли самые разные легенды, меняющиеся в зависимости от спутницы. Но что на этот раз? Заранее продуманный разговор, так что же не так? Но что-то не давало ему рассказать очередную заученную легенду. Ведь если поступить так, в данный момент Джон выглядел бы крайне неестественно, чем излишне насторожил свою спутницу. Но попытаться всё же стоило.

– Я крайне старомоден, всё скучно, – пожал плечами мужчина, смущенно улыбнувшись.

Необходимо выстроить ситуацию так, чтобы создалось впечатление неожиданности данного вопроса.

– Да ладно, расскажи, – Марго слегка пихнула его локтем в плечо, совершенно по-дружески.

– Ну, знаешь... Классическая музыка, выставки импрессионистов.

– Это помогает тебе расслабиться и отпустить мысли?

– Это? Определенно нет.

– Тогда зачем ты это делаешь?

Как странно, но он не знал ответа на этот вопрос.

– А от чего ты получаешь удовольствие? Как расслабляешься?

– Я... Знаешь, я бегаю, – поджав губы, он развел руками и был честен в этот момент.

Марго с ужимкой посмотрела в сторону мужчины. Каждый раз она всё больше замечала, что её новый знакомый просто пожирает её глазами, притом стараясь скрыть интерес. Каждый

миллиметр кожи, каждая маленькая морщинка – всё находилось под пристальным вниманием Миллера.

– Что-то вроде медитации, да? – за долю секунды внимание девицы переключилось. – Так, я же обещала кофе, верно?

Пара зашла в первую попавшуюся кофейню, которой заканчивалась нелюдимая аллея. Внутри было тепло и ароматно пахло. Джонатан тут же взял девушку за плечи, помогая снять её легкую куртку. Его пальцы заметно ощущались сквозь неплотную ткань, и нужно признать, довольно приятно. Стоило официанту подойти, как они почти единогласно заключили:

– Эспрессо, пожалуйста.

И оба посмеялись над милым моментом. Как в фильмах, поняли друг друга с полуслова. Обстановка располагала к легкому общению. Джонатан старался уходить от неудобных тем, ему куда больше нравилось узнавать детали жизни знакомой.

Спустя всего пару минут две чашки с кофейным паром стояли прямо перед гостями. Запах кофе один из тех, что не может надоесть.

– Мы нигде раньше не встречались? До знакомства в кафе? – девушка улыбнулась и чуть прищурилась.

– Я бы тебя запомнил, – сделал глоток, он быстро облизал верхнюю губу, приподняв бровь. Нервничает.

Чувство вины нарастало с каждой секундой. Она этого не заслуживает. Марго так беззаботно улыбалась ему, охотно отвечала на вопросы. Таким образом, стало известно, что девушка ещё даже не начала самостоятельной жизни. Она мечтает жить в Лондоне, подрабатывает моделью и ищет своё место в этом мире. Она мечтает, она дышит, она живет...

Эти двое были так непохожи: Марго рвалась на свободу, была птицей, выпорхнувшей из родительского гнезда. Джон же добровольно остался в нём. Словно жалкая ящерица – заполз под гнилые доски и мечтал лишь о покое. Он бесконечно винил себя за свой выбор. Всякий день и час, но ничего не делал.

Сигаретный дым заполнил всё пространство. Всё как и всегда. Спустя столько лет он всё ещё сидит в своем кабинете – изменилось лишь средство связи: телефон на проводе сменил ноутбук, через который легко было не только поговорить, но и увидеть собеседника. Прирожденный либерал, всегда мечтавший о том, чтобы приблизиться к вершине. Во всех смыслах.

Заработав целое состояние, будучи в самом расцвете сил, Генри Миллер мечтал походить на приближенных к английской короне. У него было всё – кроме венценосной фамилии, обозначающей, что его нельзя смешать с грязью. Формально. Бредовые идеи хороши тем, что не дают покоя, пока ты не исполнишь их. Дело сделано – и его наследник стал потомком знати.

Джонатан носил фамилию отца, однако с самого детства слышал, как все вокруг таинственно улыбались, узнав фамилию покойной матери. До определенного момента мальчик не понимал, стоит ли воспринимать это хорошо, ведь тётушка Амели всегда отдавала его перестирывать одежду, в которой он виделся с матерью, даже если та была чиста.

Да, его мать была потомственной баронессой, а Джонатан – баронетом. Но что это значило, если он помнил её грустной и вечно пьяной? Спасал ли титул его душу или лишь тешил самолюбие отца?

Что касается Генри, он любил всем говорить о той, на ком был женат, и это казалось Джону диким.

«– Ох, прекрасная Руби была бы счастлива...» – любил повторять он на людях или в присутствии именитых гостей.

Он прикрывался именем покойной, словно красивым палантином, переброшенным через плечо. Мальчик никогда не видел и того, чтобы родители целовались или даже мимолетно улыбались друг другу. О семейном духе не шло и речи – абсолютный холод и тотальный контроль.

Любимым днём недели Руби был четверг – день, когда ей выдавали деньги. Он означал, что, скорее всего, до субботы она не вернётся. Но такова была жизнь. И спустя почти тридцать лет после смерти жены вдовец оставался верен привычкам.

Дверь кабинета приоткрылась, и Джонатан вошел. Отец перебирал какие-то папки, на одной из которых стояла кружка с горячим напитком. Кажется, если опрокинется, он и глазом не моргнет. Было в этом вечно спокойном, учтивом, с гордо выпрямленной спиной человеке нечто пугающее, даже зловещее. Глаза Генри скользнули по сыну несколько оценивающе, а после вернулись в исходное положение.

– Проходи, – негромко, но настойчиво произнес Миллер-старший.

Он не любил тратить время на бессмысленные приветствия там, где они не требовались, чтобы показать свою воспитанность.

– Я закончил переговоры с тем магазином, они согласны отдать площадь, – огласил Джон.

– У них и не было иного выхода.

Это так на него похоже – совершенно не замечать заслуг других людей, даже близких. Но существует для него вообще подобное слово «близкие»? Джонатан молча положил желтую папку на стол, приподняв брови. Лишние движения при отце могли быть истолкованы неправильно. Как же Джона это раздражало: перед этим стариком он всё ещё чувствовал себя мальчишкой, хотя вполне мог бы отобрать большую часть бизнеса, сместив его с пьедестала.

Наверное...

В жизни всегда было что-то, что его сковывало, удерживая от решительных действий, которых порой недоставало.

Генри окинул сына вопросительным взглядом, чуть наклонив голову:

– Что-то ещё?

Следы горькой усмешки тут же появились на бледном лице. Да, ждать от отца сантиментов не приходилось, однако надежда на хоть какую-то заинтересованность присутствовала в Джоне по сей день. Ему плевать и всегда было плевать на собственного сына. А порой так хотелось услышать: «Как ты чувствуешь себя? Всё ли в твоей жизни как нужно?»

Хотя...

Что бы он ответил? Коротко и ясно или же постарался бы выкрутиться? Ответ не находился, впрочем, это и не требовалось, ведь такого вопроса в свой адрес Джон не получал никогда. Генри показывал ровно столько эмоций, сколько считал нужным.

Ему так давно хотелось высказать отцу всё, что он думает о нём, но смелости хватило лишь на недовольный тон:

– Ты снова сокращаешь штат? Аделин? В чём она провинилась? – возразил Джон.

– Эта дама не годится ни на что, кроме того, чтобы относить документы в приемную. Глупа как пробка – лишние траты, – без особых эмоций пояснил Генри, поправив лысеющий затылок.

– У нас и так идет сокращение штатов. Аделин была ценным сотрудником, она привлекла на нашу сторону немало инвесторов. Да и к тому же ты хочешь, чтобы в новостном портале снова написали, что Миллеры не дают женщинам делать карьеру? – мужчина скрестил руки.

– Такие вещи уже мало меня удивляют, думал, тебя тоже. Они всегда найдут что написать – дай лишь повод.

– В нашей компании десять управляющих отделом продаж, три твоих собственных заместителя, и все они – мужчины. Аделин работала здесь пять лет! Она была одной из главных фигур.

– Дорогой, не забывай, в этой компании есть лишь одна главная фигура, и это я. Все остальные приходят и уходят.

– Зачем ты вообще нанял меня, если не считаешься с моими решениями? – Джонатан поморщился и нервно провел по подбородку. Кровь внутри кипела как лава.

– Так сделай же так, чтобы я считался, – Генри указал на сына ручкой, а после вновь наклонился к бумагам.

Пока сын босса ехал в лифте, то едва остановил себя от того, чтобы придушить несчастного разносчика кофе.

Хлопнув дверью офиса, Джон быстро сел в автомобиль и с треском ударил по рулю, непроизвольно включив сигнал. В такие моменты легкая неудовлетворенность отношениями с отцом сменялась жгучей ненавистью. Он ненавидел всю его напыщенность, холодность и напускной, истинно британский аристократизм. Вся его жизнь похожа на череду одинаковых действий. Ритуалы, отличающиеся лишь своей периодичностью. Джон чувствовал, как с каждой минутой всё больше тонет в пучине холода, а его мечта вырваться кажется всё более несбыточной, нереальной. Он должен очиститься, должен начать новую жизнь. Но как?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.